

**Известия Императорской археологической
комиссии**

Выпуск 3

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Императорской археологической комиссии: Выпуск 3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 195 с.

ISBN 978-5-518-03304-7

ISBN 978-5-518-03304-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Склепъ Еврисивія и Ареты въ Ольвіи.

I.

Въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находится надгробный памятникъ изъ Ольвіи, принадлежавшій, какъ видно изъ вырѣзанной на немъ надписи, ольвійскому гражданину Еврисивію, сыну Каллисоена, и его женѣ Аретѣ, соорудившимъ себѣ этотъ памятникъ еще при жизни ¹⁾. Надпись изсѣчена на одной изъ боковыхъ сторонъ большой мраморной прямоугольной плиты, которая была доскою стола; ножками его служили двѣ другія мраморныя плиты. Послѣднія съ одной стороны оканчивались треугольными выступами, а съ другой были отесаны такъ, что представляли упрощенныя очертанія львиныхъ лапъ,—форму, которую древніе очень часто придавали ножкамъ столовъ и другой мебели и утвари ²⁾.

Если смотрѣть на столъ съ его главнаго фасада (съ той продольной стороны, на которой ножки стола представляютъ подражаніе львинымъ лапамъ), то надпись, изсѣченная на доскѣ стола, приходится надъ правой его ножкой (см. рис. 1—видъ спереди и рис. 2—видъ сбоку, съ надписью).

1) В. Latyshev. *Inscriptiones antiquae orae sept. Ponti Euxini*, IV, p. 303, № 461.

2) Проф. Э. Р. Фонтъ-Штеритъ, впервые издавшій надпись Еврисивія, о формѣ ножекъ стола замѣчаетъ, что онѣ кончаются «раздѣльными копытами». См. *Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, XXIII (1901), отд. V, 6. Профили ножекъ стола, по нашему мнѣнію, прямо говорятъ, что имѣлось въ виду изобразить *львиныя лапы*, а не ноги съ копытами. Львиныя лапы особенно шли бы къ столу, предназначавшемуся умершимъ, какъ *ἀποτρόχαι*. Львиныя лапы представляютъ ножки у стола, подобнаго нашему, найденнаго на Таманскомъ полуостровѣ. См. *Отчетъ Имп. Археол. Комиссіи за 1868 г.*, стр. XIV. Львиными же лапами обыкновенно оканчиваются столики для приношеній, изображающіеся на рельефахъ предъ героизированными умершими. Ср., напр., *Bulletin de correspondance Hellénique*, XVI (1892), pl. VI.

Этотъ мраморный столъ служилъ, безъ сомнѣнія, для приношеній, предназначавшихся умершимъ, которыхъ почитали, какъ полубоговъ-героевъ. Такіе столы (τράπεζαι) были находимы уже на югѣ Россіи. Такъ, столъ изъ бѣлаго мрамора съ ножками въ видѣ львиныхъ лапъ былъ найденъ въ 1868 г. въ склепѣ кургана на такъ называемой Васюриной горѣ (иначе Кирпина гора, или Ассо-

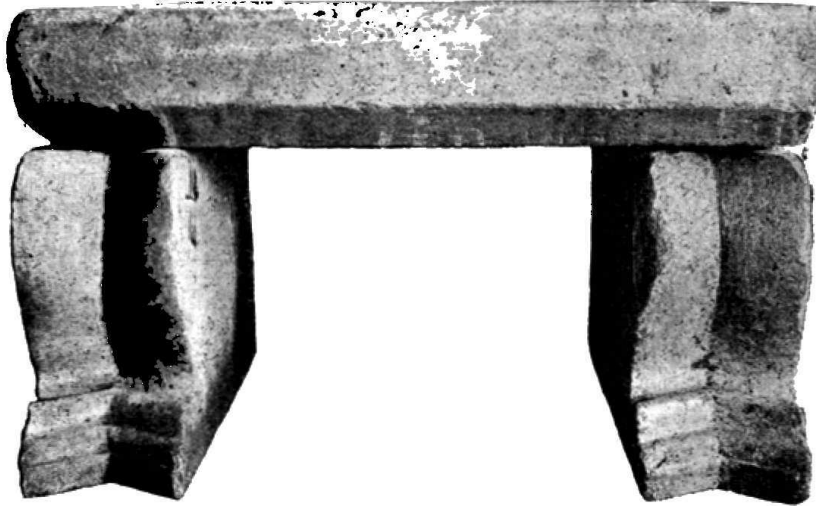

Рис. 1.

Рис. 2.

дагъ), по правую сторону почтовой дороги, ведущей изъ Тамани на станцію Сѣвную¹⁾). На доскѣ этого стола сохранились слѣды отъ множества стоявшихъ на ней сосудовъ, очевидно, составлявшихъ приношенія погребеннымъ въ склепѣ

¹⁾ Этотъ столъ находится въ настоящее время въ складѣ древностей, устроенномъ въ Царскомъ курганѣ близъ Керчи, подъ № XII, 14.

покойникамъ¹⁾. Къ такого рода трапезамъ относится и столъ съ ножками въ видѣ львиныхъ лапъ, уставленный разными приношеніями, который изображенъ на рельефѣ извѣстнаго мраморнаго надгробнаго памятника вольноотпущенника Амепта въ Луврѣ²⁾. Близки къ послѣднему и къ дошедшимъ до насъ столамъ для приношеній умершимъ столики, которые мы видимъ на рельефахъ съ изображеніемъ героизированныхъ умершихъ; на нихъ также обыкновенно ставятся разнаго рода приношенія³⁾.

Въ виду того, что жертвенныхъ столовъ до насъ дошло крайне мало, памятникъ, находящійся въ Одесскомъ музеѣ, представляетъ выдающійся интересъ, который удваивается еще отъ того, что на этой „трапезѣ“ изсѣчена надпись.

Невольно у всякаго при взглядѣ на „трапезу“ какъ бы самъ собою является вопросъ, гдѣ именно она найдена была въ Ольвіи. Точное мѣсто ея находки осталось неизвѣстнымъ первому издателю надписи, проф. Э. Р. фонъ-Штерну, потому что памятникъ былъ пріобрѣтенъ для Одесскаго музея покупкою у лица, показаніямъ котораго довѣрять вообще не приходится. Между тѣмъ знать точное мѣсто находки памятника было тѣмъ важнѣе, что надпись на немъ, повидимому, возбуждала у ученыхъ нѣкоторые вопросы и сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что въ надписи есть очевидная позднѣйшая прибавка къ первоначальному тексту. Вотъ первоначальный текстъ: Εὐρησίβιος Καλλισθένους καὶ Ἀρέτη Παπίου τὸ μνημα ζῶντες ἑαυτοῖς κατεσκευάσαν, т. е. *Еврисивіи Каллисѳеновъ и Ареѳа Папіева этотъ памятникъ соорудили себѣ при жизни*. Къ этимъ словамъ сдѣлана позже другою рукою приписка: „ἐν ἡμέραις ἰζ'“, *въ продолженіе 17 дней*. Не находя смысла въ этой припискѣ, Э. Р. фонъ-Штернъ пришелъ къ убѣжденію, что указанная слова представляютъ прибавку современнаго фальсификатора, вѣроятные мотивы которой онъ и изложилъ при изданіи надписи. В. В. Латышевъ при переизданіи ея въ IV томѣ сбор-

1) Ср. *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1868 г., стр. XIV.

2) *Musée National du Louvre. Catalogue sommaire des marbres antiques*, Paris, 1896, 28, № 488. Памятникъ происходитъ изъ Рима. Его рельефы изданы у Clagac, *Musée de sculpture*, pl. 185 (S. Reinach, *Répertoire de la statuaire grecque et romaine*, I, Paris, 1897, 74, 1—3).

3) Ср. объ этихъ рельефахъ Ю. А. Кулаковскаго, Двѣ керченскія катакомбы съ фресками (*Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Импер. Археол. Коммиссіей*, № 19), Спб. 1896, 44 сл.; v. Frietze, *Mittheilungen d. kais. Deutsch. archäol. Instituts*, Athen. Abth., XXI (1896), 347 сл.; А. Н. Шукарева, въ *Commentationes philologicae*, Сборн. статей въ честь И. В. Помилловскаго, 97 сл. Въ названныхъ работахъ см. и перечень изданій дошедшихъ до насъ рельефовъ.

ника „*Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*“ передалъ вкратцѣ это мѣніе проф. фонъ-Штерна, но весьма осторожно уклонился отъ прямого выраженія солидарности съ нимъ.

III.

Отправляясь на раскопки въ Ольвію въ 1901 году, по порученію Императорской Археологической Комиссіи, мы послѣ осмотра „трапезы“ въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей поставили одной изъ своихъ задачъ въ Ольвіи выяснитъ вопросъ, гдѣ именно былъ найденъ этотъ памятникъ.

При осмотрѣ мѣстности, гдѣ мы предполагали начать раскопки, вниманіе наше невольно привлекалъ большой курганъ, находящійся въ самомъ концѣ села Парутяна, по правую сторону дороги, ведущей изъ села въ „городокъ“. Еще при посѣщеніи нами Ольвіи въ 1896 г. курганъ этотъ былъ не тронутъ новѣйшими кладонскаателями. Картина, которая предстала предъ нашими глазами нынѣ, насъ поразила: весь курганъ оказался изрытымъ по всеѣмъ направленіямъ. Одна изъ ямъ вела въ небольшое отверстіе, черезъ которое можно было съ трудомъ провизнуть въ склепъ, который поражалъ своей величиною и великолѣпіемъ, хотя былъ еще болѣе чѣмъ на половину засыпанъ землею. Очень многіе парутянскіе крестьяне заявили намъ при осмотрѣ кургана, что въ его склепѣ найденъ былъ въ 1899 г. камень съ надписью, который былъ купленъ у крестьянъ очковскимъ евреемъ Гохманомъ. Сопоставляя показанія крестьянъ-очевидцевъ съ сообщеніемъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна (см. выше), нельзя не придти къ заключенію, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же памятникѣ.

Какъ бы то ни было, обстоятельства вызвали необходимость полной раскопки кургана. Склепъ представлялся памятникомъ выдающейся важности со стороны архитектурной, не уступая „Царскому кургану“ близъ Керчи. Правда, онъ былъ уже разграбленъ, но правильная раскопка его могла дать еще новыя, важныя открытія; при ней могли быть обнаружены и впускныя погребенія. Кроме того, мѣстность, гдѣ курганъ находился, входила въ районъ, намѣченный нами для изслѣдованія въ 1901 году: мы поставили себѣ цѣлю, между прочимъ, произвести систематическое разслѣдованіе всей площади, находящейся между селомъ Парутянымъ и межей, ограничивающей „городище“, находящееся на землѣ графа А. А. Мусина-Пушкина.

Раскопка кургана велась съ 14 августа по 4 сентября. Подъ конецъ па-

шихъ работъ прибылъ въ Ольвію предѣдатель Археологической Коммисіи графъ А. А. Бобринской, который однимъ изъ первыхъ и осмотрѣлъ вновь открытый роскошный памятникъ Еврисивіа и Ареты.

Раскопки кургана окончательно убѣждаютъ, что именно изъ его склепа происходитъ памятникъ Одесскаго музея. Какъ алфавитъ надписи, такъ и архитектура склепа и всѣ сдѣланныя въ немъ находки относятся безусловно къ одному и тому же времени. Наконецъ, въ склепѣ найдено было нѣсколько плитъ того же мрамора, изъ котораго была сдѣлана плита съ надписью, и совершенно такой же сохранности, какъ послѣдняя¹⁾.

Тотъ достовѣрно констатированный нами фактъ, что памятникъ съ надписью Еврисивіа и Ареты происходитъ изъ этого склепа, разрѣшаетъ и вопросъ о припискѣ, о которой мы говорили выше. Когда мы читали сообщеніе о склепѣ Еврисивіа и Ареты въ декабрѣ 1901 года въ Обществѣ Классической Филологіи и Педагогикѣ въ С.-Петербургѣ, слѣдуя въ объясненіи надписи проф. Э. Р. фонъ-Штерну, В. В. Латышевъ въ бесѣдѣ по поводу нашего доклада далъ объясненіе, при которомъ эта приписка вполне можетъ быть признана древнею, прибавленною къ первоначальному тексту самими устроителями склепа въ виду какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ²⁾.

Курганъ, подъ которымъ находится раскопанный нами склепъ, принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ на территоріи древней Ольвіи. Первоначально онъ обложенъ былъ большими каменными плитами. Послѣднія видѣли еще Муравьевъ-Апостолъ въ 1820 году³⁾ и Кёппенъ въ 1821 г.⁴⁾ Вларамбергъ въ 1822 году однако отмѣчаетъ уже, что камень, которымъ облицованъ былъ нашъ курганъ, весь растащенъ на постройки парутинскими крестьянами⁵⁾. Вслѣдствіе того,

1) Эти плиты въ настоящее время собраны и находятся въ склепѣ, который охраняется особымъ сторожемъ.

2) См. это объясненіе В. В. Латышева ниже, въ концѣ его статьи о надписяхъ, найденныхъ въ 1901 году.

3) Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 годѣ, С.-Петербургъ, 1823. На планѣ Ольвіи, приложенномъ къ стр. 30, нашъ курганъ значится подъ буквой d: «два большіе кургана; кругомъ каждаго обложено при основаніи большими каменьями».

4) На планѣ Кёппена, изданномъ въ *Запискѣхъ Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.*, VIII (1872), табл. IX, нашъ курганъ обозначенъ буквою D: «курганы, кругомъ обложенные тесанымъ камнемъ».

5) De Blaramberg, *Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia*. Paris, 1822, 26, 1: «Les bas de ceux tours... existait encore il y a quelques années; mais les matériaux de la maçonnerie qui en formait le contour ayant été enlevés successivement et employés à la construction de différentes maisons de paysans, il ne reste plus que l'amas de terre auquel ces pierres servaient de revêtement, et qui forment deux espèces de tumulus énormes, marqués D et D sur le plan».

что курганъ нашъ былъ обложенъ камнемъ, нѣкоторые ученые считали его основаніемъ одной изъ башенъ, укрѣпившихъ Ольвію. Уже Муравьевъ-Апостоль¹⁾ думалъ, что нѣкоторые изъ кургановъ близъ села Парутина служили основаніями башенъ. Бларамбергъ²⁾ даже прямо рѣшался высказать предположеніе, что нашъ курганъ представляетъ остатокъ башенъ Посія или Каонгитора, упоминаемыхъ въ Протогеновой надписи³⁾. Ему возражалъ Кёлеръ⁴⁾, который считалъ все парутинскіе курганы могильными памятниками. Графъ Уваровъ⁵⁾, совершенно справедливо указывавшій на необходимость систематическихъ раскопокъ для того, чтобы точно опредѣлить назначеніе каждаго отдѣльнаго кургана, не соглашался съ Кёлеромъ на счетъ того, что нашъ курганъ былъ могильною насыпью. Однако, раскопками Н. К. Суручана⁶⁾ установленъ былъ фактъ, что нѣкоторые изъ кургановъ, которые графъ Уваровъ считалъ основаніями стѣнныхъ башенъ, представляютъ дѣйствительно могильныя насыпи. Раскопки 1901 года рѣшили вопросъ о нашемъ курганѣ въ томъ смыслѣ, какъ это предполагалъ Кёлеръ.

III.

О размѣрахъ нашего кургана и сооруженнаго въ немъ склепа и объ ихъ ориентировкѣ можно судить по таблицѣ I, на которой данъ общій планъ ихъ, и по табл. II, представляющей разрѣзъ кургана съ запада на востокъ. Для склепа было вырыто углубленіе въ материковой землѣ. Послѣ того, какъ склепъ былъ выстроенъ, онъ былъ заваленъ сверху землей, которая и образовала довольно высокій холмъ. На табл. I и II можно видѣть, что склепъ приходится не въ центрѣ кургана. Все стѣны склепа непосредственно прилегаютъ къ материковой землѣ. Очевидно, всю ту землю, которая заполняла пространство, въ коемъ сооружены двѣ комнаты склепа, вытаскивали по узкому сходу, ведущему въ склепъ съ востока. Какъ показала раскопка площади, прилегающей къ нашему кургану съ юга, землю при рытьѣ ямы для склепа выбрасывали на эту площадь, которая

1) Ук. м.

2) Ук. м.

3) Latyschev, Inscr. o. s. Ponti Euxini, I, № 16.

4) Н. К. Е. Köhler, Mém. sur les îles et la course cons. à Achille, note 797.

5) Исследованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря. Выпускъ I, СПб. 1851, 41 и 39, 1.

6) Ср. В. В. Латышевъ, Исслѣд. объ исторіи и государств. стрѣ города Ольвіи. СПб., 1887, 105, 5.

лежала ниже, чѣмъ та, на которой рѣшено было устроить гробницу. Сходь, ведущій въ склепъ, вырытъ въ материковой землѣ. Конечно, уже послѣ того, какъ склепъ былъ окончательно готовъ, въ этомъ сходѣ для удобства спуска вырѣзаны были изъ земли ступени. То обстоятельство, что ступени эти сохранились до настоящаго времени такъ хорошо, что ихъ безъ всякаго затрудненія можно было все вымѣрять, прямо свидѣтельствуетъ, что сходъ былъ засыпанъ землею послѣ того, какъ склепъ былъ замурованъ. Вѣроятно, ступени вырѣзаны были передъ самой церемоніей погребенія. Чтобы противодѣйствовать тяжести земли, покрывавшей довольно толстымъ слоемъ склепъ сверху, по обѣимъ сторонамъ входной двери въ первое помѣщеніе склепа снаружи были выстроены двѣ подпорныя стѣнки (см. табл. I, II и III). Входная дверь въ склепъ была замкнута одной огромной и весьма тяжелой плитой, которая была плотно приставлена и примурована. (См. табл. III, на которой можно видѣть эту плиту направо отъ двери, какъ ее отставили при раскопкѣ). Грабители одинъ разъ попали въ склепъ черезъ дыру, которую они пробили въ правомъ верхнемъ углу двери, повредивъ отчасти и плиту, ее заслоявную. Последнюю они, кромѣ того, слегка отвалили отъ двери. Плита, замыкавшая дверь склепа снаружи, была утверждена на другой, не меньшей ея. Эта послѣдняя составляла порогъ двери. Переступивъ порогъ, мы попадаемъ въ первую комнату склепа. Это сравнительно не высокій корридоръ, который ведетъ въ главную комнату, гдѣ покоились погребенные. Все стѣны, потолокъ, выведенный полуцилиндрическимъ сводомъ, и полъ облицованы большими прямоугольными плитами изъ известняка. Въ южной стѣнѣ сдѣлана небольшая прямоугольная ниша. Изъ корридора дверь ведетъ въ главное помѣщеніе склепа. У нея довольно высокій порогъ. По бокамъ ее ограждаютъ пилястры съ простыми, изящными профилями. На южной и сѣверной продольныхъ стѣнахъ корридора на высотѣ капителей пилястръ сдѣланъ небольшой прямоугольный карнизъ. Таблица IV представляетъ общій видъ корридора отъ входной двери, табл. V, 1—восточную стѣну его, а табл. V, 2 и 3— южную и сѣверную, каждую съ развернутой половиной сводчатаго потолка. По таблицамъ IV и V можно судить о характерѣ кладки стѣнъ и потолка корридора.

Главная комната склепа — почти квадратная. Кладка стѣнъ и устройство потолка здѣсь тѣ же, что и въ корридорѣ. Карнизъ, идущій кругомъ всей комнаты на высотѣ капителей пилястръ входной двери, отличается отъ карниза корридора, представляя въ разрѣзѣ треугольникъ. Въ западной стѣнѣ ком-

наты сдѣлана довольно большая прямоугольная ниша. Таблица VI, 1 представляетъ восточную стѣну, VI, 2 и 3 — сѣверную и южную съ развернутыми половинами свода потолка, а табл. VII — общій видъ главной комнаты. Грабителями, проникавшими, повидимому, нѣсколько разъ въ склепъ, сдѣланы были двѣ пробоины, одна въ южной части свода, другая по срединѣ западной стѣны. Черезъ первую пробоину, очевидно, грабители влѣзали въ склепъ, такъ какъ къ ней вела грабительская мина съ верху вургана. Другую пробоину грабители сдѣлали, безъ сомнѣнія, въ поискахъ за скрытыми сокровищами, о которыхъ имъ говорило воображеніе. Съ этою же цѣлю они перевернули всѣ громадныя плиты пола главной комнаты. Пробоины, сдѣланныя грабителями, позволяютъ наблюдать подробнѣе технику постройки. Склепъ выстроенъ въ два ряда камней. Только внутренняя сторона постройки сдѣлана изъ тесаного камня. Наружная сторона, прилегающая къ землѣ, не имѣетъ правильной кладки и состоитъ изъ простыхъ нетесаныхъ камней разной величины, скрѣпленныхъ между собою глиной¹⁾. Плиты, облицовывавшія стѣны и потолокъ склепа, пригнаны одна къ другой безъ всякаго цемента и, кажется, не имѣютъ никакихъ скрѣпъ²⁾. Для того, чтобы онѣ плотно прилегали другъ къ другу, у нихъ на поверхностяхъ, которыми онѣ соприкасаются по краямъ, сдѣланы гладко отполированныя ленточки, нѣсколько выдающіяся надъ остальною поверхностью, обычный приемъ классической архитектуры³⁾. Нужно отмѣтить еще одну особенность въ постройкѣ склепа. Плиты пола какъ въ главной комнатѣ, такъ и въ корридорѣ были положены не прямо на материковую землю, а на слой морской травы, которою была устлана вся поверхность пола прежде, чѣмъ на нее положены были каменные плиты. Это было сдѣлано, очевидно, для того, чтобы плиты плотнѣе прилегали къ полу.

1) Мы должны отмѣтить, что на планѣ на табл. I и на разрѣзѣ на табл. II второй рядъ камней могъ быть обозначенъ лишь схематично. Вероятно тѣ камни стѣны, которые положены перпендикулярно фасаду каждой стѣны, были такой же длины, какъ и тѣ, которые видны въ стѣнахъ своими широкими поверхностями. Ср. Choisy, *L'art de bâtir chez les Romains*, Paris, 1873, 113 слл. Это не могло быть точно обозначено на планѣ и разрѣзѣ, такъ какъ для точнаго установленія этого факта необходимо было бы разобрать одну изъ стѣнъ склепа, что повело бы къ полному его уничтоженію.

2) Ихъ вѣрнѣе было обнаружить, не разрушая склепа.

3) Ср. Choisy, *L'art de bâtir chez les Rom.*, 105 сл.

IV.

Въ виду того, что, какъ мы уже отмѣтили выше, склепъ былъ нѣсколько разъ¹⁾ ограбленъ, находокъ при раскопкахъ его сдѣлано было мало. Однако, эти немногія находки представляютъ несомнѣнный интересъ какъ потому, что, благодаря имъ, довольно точно опредѣляется время сооруженія склепа, такъ и потому, что среди нихъ есть остатки чрезвычайно интересныхъ и цѣнныхъ памятниковъ.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что въ главной комнатѣ склепа, какъ уже упомянуто выше, найдено было нѣсколько обломковъ плитъ изъ мрамора, идентичнаго съ тѣмъ, изъ котораго сдѣлана плита съ надписью въ Одесскомъ музеѣ. Любопытно, что сохранность ихъ совершенно одинакова съ сохранностью этой плиты. Отсюда слѣдуетъ, что „трапеза“ скорѣе всего была поставлена въ главной комнатѣ склепа. Такъ какъ ничто не говоритъ за то, чтобы полъ главной комнаты былъ покрытъ сверхъ известняковыхъ плитъ еще мраморными, найденные остатки мраморныхъ плитъ не могутъ принадлежать къ настилкѣ пола; а такъ какъ сохранность ихъ одинакова съ сохранностью „трапезы“, то скорѣе всего можно думать, что эти плиты находились въ склепѣ около нея. Проще и естественнѣе всего было бы предполагать, что кромѣ мраморной трапезы въ нашемъ склепѣ была еще такая же мраморная скамейка, какая была найдена вмѣстѣ съ мраморнымъ столомъ въ упомянутомъ выше склепѣ Васюриной горы²⁾. Безъ сомнѣнія, скамейка эта имѣла, какъ и трапеза, культовое значеніе.

Уже а ргіогі можно было бы сказать, что трапеза, представлявшая родъ алтаря, скорѣе всего должна была стоять по срединѣ главной комнаты склепа. За это говоритъ еще слѣдующее соображеніе. Каменный склепъ Еврсивія по своему устройству и основному плану ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ ольвійскихъ склеповъ, вырвавшихся прямо въ землѣ³⁾. Склепъ Еврсивія — только болѣе роскошное и монументальное сооруженіе. Въ земляныхъ склепахъ въ Оль-

1) За то, что склепъ былъ разграбленъ по крайней мѣрѣ два раза, говорятъ пробойны въ его наружной двери и въ сводѣ главной комнаты: эти пробойны не къ чему было дѣлать одновременно.

2) Ср. *Отчетъ Импер. Арх. Коммисіи* за 1868 г., XIV; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, *Русскія древности*, I, 110; К. К. Гёрцъ, *Археологическая топографія Таманскаго полуострова*. Изд. 2-е (Собр. сочиненій, изд. Имп. Академіею Наукъ, вып. 1, Спб. 1896), 81. Скамейка эта находится въ настоящее время въ Керченскомъ музеѣ древностей подъ № XII, 18.

3) Ср. *Отчетъ Импер. Арх. Коммисіи* за 1896, 79, 205 слл.

віи покойниковъ клали обыкновенно перпендикулярно ко входу и чаще всего около правой и лѣвой стѣнокъ отъ входа ¹⁾). Въ виду этого можно думать, что и въ склепѣ Еврсивія погребенные едва ли лежали иначе. Аналогіи съ другими ольвійскими склепами заставляютъ думать, что Еврсивій и Арета покоились направо и налево отъ мраморной трапезы, стоявшей по серединѣ усыпальницы. Едва ли они были положены въ мраморные саркофаги. Извлечь послѣдніе изъ склепа грабителямъ было бы нелегко чрезъ тѣ дыры, которыя ими были сдѣланы, чтобъ проникнуть въ склепъ. Предполагать, что Еврсивій и Арета были погребены безъ гробовъ (напр., на деревянныхъ ложахъ), едва ли возможно ²⁾). При раскопкахъ 1901 года мы находили въ большинствѣ ольвійскихъ склеповъ явные слѣды того, что покойники хоронились въ деревянныхъ гробахъ. То же констатировалъ и проф. Ю. А. Кулаковскій при раскопкахъ въ Ольвіи въ 1900 г. Во всѣхъ случаяхъ, когда можно было опредѣлить величину деревянныхъ гробовъ въ богатыхъ ольвійскихъ склепахъ, гробы оказываются очень большими, монументальными. По ихъ жалкимъ остаткамъ все-таки можно сдѣлать заключеніе, что по формѣ своей они были подобны деревяннымъ саркофагамъ изъ Керчи и съ Таманскаго полуострова ³⁾). Одинъ подобный деревянный саркофагъ былъ найденъ и въ Ольвіи, въ мѣстности сосѣдней съ склепомъ Еврсивія, какъ то намъ извѣстно по свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ. Этотъ саркофагъ (рис. 3), приобретенный Императорскою Археологическою Коммиссіею въ 1900 году ⁴⁾, былъ переданъ ею въ Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей и находится въ настоящее время въ его музеѣ. По всей вѣроятности, Еврсивій и Арета покоились именно въ такихъ деревянныхъ большихъ саркофагахъ. При раскопкахъ никакихъ слѣдовъ саркофаговъ не найдено. Можетъ быть, саркофаги

1) Ср. тамъ же.

2) Единственный примѣръ погребенія на ложѣ въ Ольвіи представляла бы гробница, въ которой были найдены вещи, приобретенныя потомъ московскимъ коллекционеромъ Постниковымъ. Ср. А. В. Орѣшниковъ, Нѣсколько замѣчаній о древностяхъ, найденныхъ въ селѣ Парутишѣ въ 1891 г. *Древности, Труды Импер. Моск. Археол. Общества*, XV, 2 (1894), 1 сл.; Э. Р. фонъ-Штернъ, Античная глазированная посуда съ юга Россіи. *Зап. Импер. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.*, XXII (1900), 24 сл. Однако описаніе этой гробницы составлено А. В. Орѣшниковымъ со словъ перекупщиковъ древностей, очаконскихъ евреевъ; самъ г. Орѣшниковъ оговариваетъ это и *не ручается за достоверность описанія* (ук. статья, I, пр. 1).

3) Ср. *Древности Босфора Гиммерійскаго*, табл. LXXXI, 6, 7; *Отчеты Импер. Археол. Коммиссіи* за 1865 г., табл. VI, 4, 5, за 1866 г., табл. I, II, за 1869 г., 177 сл. за 1875 г., табл. I; гр. Толстой и Кондаковъ, *Русскія древности*, I, 37 сл.

4) Дѣло И. А. Комм. 1900 г., № 42.